Издательство „Вольный Трудъ“

Отъ каждаго по способностямъ,
каждому по потребностямъ!

П. А. КРОПОТКИНЪ.

РЕВОЛЮЦІОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

НХ
124

Цѣна 10 коп.

1917.

SK

„Пров 38"
Академии Наук СС
НХ 12411 .2
106 39

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Товарищи! Сознавая скудость въ отношеніи появленія и распространенія анархической литературы въ Россіи, мы задались цѣлью направить всю нашу энергію къ широкому печатанію нашей литературы, и этимъ самымъ не дать возможности буржуазной прессѣ бросать какія бы то ни было тѣни на міросозерцаніе анархизма.

Необходимо уяснить трудящимся массамъ—въ противовѣсъ крикунамъ,—что дѣйствія хулиганства не имѣютъ мѣста въ анархичекихъ тенденціяхъ, и пусть поймутъ, что анархія—лишь мать порядка.

Этому дорогому дѣлу мы отдадимъ трудъ, энергію и творчество—все, что только въ зависимости отъ насъ. Но этого мало; безъ поддержки товарищей, кому дороги идеалы анархизма, мы останемся одинокими.

Не дайте же, товарищи, угаснуть нашей иниціативѣ. Пусть наше обращеніе не останется пустымъ звукомъ. Впередъ же, ближе къ дѣлу!

Всѣмъ вамъ нашъ товарищескій привѣтъ.

Издательство „Вольный Трудъ".

Революціонное правительство

I.

Современныя правительства должны пасть, чтобъ свобода, равенство и братство перестали быть словами и облеклись въ реальную форму. Всѣ виды правительства, испытанные до сихъ поръ, были лишь различными формами угнетенія и должны быть замѣнены новой формой группировки; на этомъ сходятся всѣ, болѣе или менѣе революціонно настроенные, члены нашего общества. Да и не надо быть новаторомъ, чтобъ придти къ этому заключенію; пороки современныхъ правительствъ и невозможность ихъ преобразовать тахъ очевидны, что бросаются въ глаза каждому мало мальски разумному наблюдателю. Мы знаемъ, что въ извѣстныя эпохи низвергнуть правительство почти ничего не стоитъ. Есть моменты, когда правительства, подобно карточнымъ домикамъ, рушатся почти сами собой отъ малѣйшаго натиска возставшаго народа. Мы это видѣли въ 1848 и въ 1870 году; мы это увидимъ въ скоромъ будущемъ.

Извергнуть правительство--вотъ конечная цѣль для революціонера-буржуа. Для насъ же это только начало Соціальной Революціи. Когда Государственная машина лопнетъ, когда іерархія чиновниковъ будетъ дезорганизована, и солдаты потеряютъ довѣріе къ своимъ начальникамъ, словомъ, когда армія защитниковъ Капитала будетъ побѣждена,—передъ нами предстанетъ великое дѣло разрушенія институтовъ, стремящихся увѣковѣчить экономическое и политическое рабство. Положимъ, свобода дѣйствій пріобрѣтена,—что же будутъ дѣлать революціонеры?

На этотъ вопросъ только анархисты отвѣчаютъ: „Долой правительство, да здравствуетъ анархія!“ Всѣ же остальные провозглашаютъ „революціонное правительство“. Разногласіе между ними происходитъ лишь относительно формы, которую нужно будетъ дать правительству, избранному путемъ всеобщей подачи голосовъ, въ Государствѣ или въ Коммунѣ. Нѣкоторые же высказываются за революціонную диктатуру.

„Революціонное правительство!“ Какъ странно звучатъ эти два слова для тѣхъ, которые понимаютъ, чѣмъ должна быть Соціальная Революція и что такое правительство. Эти два слова противорѣчатъ другъ другу, взаимно уничтожаются. Мы знаемъ, что изъ себя представляетъ деспотическое правительство; стоять за реакцію противъ революціи, стремиться къ деспотизму—вотъ сущность всякаго правительства; но никто никогда не видѣлъ революціоннаго правительства. Революція—это синонимъ „безпорядка“, низверженія въ нѣсколько часовъ вѣковыхъ институтовъ, насильственнаго разрушенія установившихся формъ собственности, уничтоженія кастъ, внезапнаго перерожденія взглядовъ на нравственность, вѣрнѣе на заступающее ея мѣсто лицемѣріе, синонимъ личной свободы и свободы дѣйствій,—словомъ отрицаніе правительства, этого синонима „порядка“, консерватизма, сохраненія существующихъ институтовъ, отрицанія частной иниціативы и свободы дѣйствій. И, тѣмъ не менѣе, намъ безпрестанно говорятъ объ этомъ „бѣломъ дроздѣ“, какъ будто бы „революціонное правительство“—самая обыденная вещь на свѣтѣ, столь же знакомая всѣмъ и каждому, какъ королевство, имперія или папство.

Революціонеры изъ буржуазіи должны проповѣдовать эту идею; оно вполнѣ понятно. Мы знаемъ, что они называютъ революціей. Это подштукатуриваніе буржуазной республики; это зах-

ватъ, такъ называемыми республиканцами, доходныхъ должностей, сосредоточенныхъ сейчасъ въ рукахъ бонапартистовъ и роялистовъ, это разрывъ брака между Церковью и Государствомъ, замѣненный ихъ конкубинатомъ; это секвестрація церковныхъ имуществъ въ пользу Государства, вѣрнѣе, въ пользу управляющихъ этими имуществами; быть можетъ, это референдумъ, или что либо въ этомъ родѣ... Но что революціонеры соціалисты стали апостолами этой идеи—абсолютно непонятно, если не допустить слѣдующихъ двухъ предположеній. Или ея защитники такъ заражены буржуазными предразсудками, которые они почерпнули, можетъ быть, даже безсознательно въ литературѣ и, главнымъ образомъ, въ исторіи, сфабрикованной спеціально для буржуазіи самими буржуа, такъ проникнуты духомъ рабства, этимъ плодомъ долгихъ вѣковъ крѣпостничества, что они не способны даже представить себѣ, что могутъ быть свободными. Или же приверженцы этой идеи вовсе не хотятъ той Революціи, о которой они безпрестанно говорятъ: они удовлетворятся нѣкоторымъ преобразованіемъ существующихъ институтовъ, лишь бы это обезпечило имъ власть. Они борятся съ правительствомъ исключительно для того, чтобъ какъ можно скорѣе занять его мѣсто. Съ ними мы и не станемъ разсуждать. Поговоримъ съ тѣми, которые искренно заблуждаются.

Разберемъ первую изъ двухъ провозглашенныхъ формъ „революціоннаго правительства“—правительство выборное.

Королевская власть низвергнута, армія защитниковъ Капитала побѣждена, вездѣ броженіе, жажда работать для общаго дѣла, стремленіе впередъ. Возникаютъ новыя идеи, сознается необходимость коренныхъ перемѣнъ,—надо дѣйствовать, надо приняться за безпощадную работу разрушенія, чтобъ

очистить путь для новой жизни. Что же предлагаютъ намъ дѣлать?—Созвать народъ для выборовъ, провозгласить правительство и передать ему ту работу, которую каждый изъ насъ долженъ дѣлать самъ, руководствуясь собственной иниціативой.

Такъ и сдѣлалъ Парижъ послѣ 18 марта 1871 года.—„Я никогда не забуду,—говорилъ мнѣ одинъ пріятель,—этихъ чудныхъ моментовъ освобожденія. Я спустился изъ своей маленькой комнаты въ латинскомъ кварталѣ, чтобъ войти въ этотъ огромный клубъ подъ открытымъ небомъ, чтобъ смѣшаться съ толпой, наводнявшей улицы Парижа. Всѣ обсуждали общее дѣло; всякая личная забота была на время отложена: дѣло шло не о куплѣ и продажѣ, всѣ были готовы душой и тѣломъ ринуться въ неизвѣстное будущее. Даже буржуа, захваченные общимъ порывомъ, съ ликованіемъ смотрѣли, какъ открывался новый міръ. „Если нужна соціальная революція,—произведемъ ее: пусть все станетъ общимъ достояніемъ; мы готовы!“ Элементы революціи были на лицо: надо было употребить ихъ въ дѣло. Придя вечеромъ домой, я подумалъ: „Какъ человѣчество прекрасно! Его не знаютъ и всегда клевещутъ на него!“ Потомъ наступили выборы, члены Коммуны были назначены,—и понемногу потухла сила самоотверженія и усердіе къ дѣлу. Каждый принялся за свою обычную работу, говоря: „Теперь у насъ есть честное правительство; предоставимъ ему поступать, какъ оно хочетъ“... Мы знаемъ, каковы были послѣдствія.

Народъ, вмѣсто того, чтобъ дѣйствовать самостоятельно, идти впереди, смѣло ринуться навстрѣчу новому порядку вещей, передалъ своимъ правителямъ право иниціативы. Вотъ первое послѣдствіе неизбѣжный результатъ выборовъ. Что же будутъ дѣлать эти правители, облеченные всеобщимъ довѣріемъ?

Никогда выборы не были такъ свободны

въ мартѣ 1871 года. Даже враги Коммуны признали это. Никогда избиратели не были такъ проникнуты желаніемъ поставить у кормила правленія лучшихъ людей, людей будущаго, революціонеровъ. Такъ они и сдѣлали. Всѣ извѣстные революціонеры были избраны подавляющимъ большинствомъ; якобинцы, бланкисты, интернаціоналисты, всѣ три революціонныхъ фракціи имѣли своихъ представителей въ Совѣтѣ Коммуны. Выборы не могли дать лучшаго правительства.

Мы знаемъ, каковы были результаты. Запертые въ Городской Думѣ, обязанные дѣйствовать, придерживаясь формъ установленныхъ предшествующими правительствами, эти ярые революціонеры, эти реформаторы потеряли способность что либо создать. Не смотря на ихъ страстное желаніе, на ихъ храбрость, они не съумѣли организовать даже защиту Парижа. Теперь въ этомъ обвиняютъ отдѣльныхъ личностей; но причина неудачи не въ нихъ, а въ самой системѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, собраніе, избранное при всеобщей подачѣ голосовъ, будетъ въ лучшемъ случаѣ состоять изъ представителей средняго уровня понятій, распространенныхъ въ данное время въ массахъ; но въ началѣ революціи эти представители не понимаютъ даже, что предстоитъ совершить и обсолютно не знаютъ, какъ взяться за дѣло. Ахъ, если бы большая часть націи или Коммуны могла до начала движенія сговориться и опредѣлить, что дѣлать, какъ только правительство будетъ низвергнуто! Если бы эта мечта кабинетныхъ утопистовъ могла бы быть осуществлена, у насъ никогда бы не было кровавыхъ революцій: когда желаніе большинства націи б бы опредѣленно высказано, меньшинство добровольно подчинялось бы ему. Но дѣлѣ выходитъ иначе. Революція разражается за долго до того, какъ можетъ быть установлено обеще соглашеніе, и тѣ, которые понимаютъ, что надо

дѣлать на другой день послѣ взрыва, составляютъ въ этотъ моментъ лишь незначительное меньшинство. Большая часть народа лишь въ общихъ чертахъ представляетъ себѣ ту цѣль, къ осуществленію которой она стремится, и не знаетъ, какіе пути ведутъ къ ея достиженію. Практическое рѣшеніе выяснится лишь въ тотъ моментъ, когда начнутся преобразованія: оно будетъ продуктомъ самой революціи, продуктомъ работы народа, или же оно будетъ—ничѣмъ, выдумкой отдѣльныхъ лицъ, абсолютно неспособныхъ найти то рѣшеніе, которое должно быть рождено жизнью самаго народа.

Это положеніе вещей неизбѣжно отражается на собраніи, избранномъ путемъ всеобщей подачи голосовъ, даже если оно не заражено пороками, присущими вообще всѣмъ представительнымъ правительствамъ. Представители революціонной идеи данной эпохи слишкомъ малочисленны и теряются среди представителей революціонныхъ школъ прошлаго и защитниковъ существующаго порядка вещей. Эти люди въ дни революціи должны быть среди народа, чтобъ широко распространять свои идеи, привести массы въ движеніе и уничтожить институты прошлаго; а между тѣмъ они сидятъ тутъ, прикованные къ залѣ Собраній, и ведутъ безконечные споры, стремясь вырвать уступки у умѣренныхъ и переубѣдить своихъ противниковъ, которыхъ только осуществленіе новой идеи можетъ обратить въ ея сторонниковъ. Правительство прекращается въ парламентъ со всѣми недостатками буржуазныхъ парламентовъ. Это „революціонное“ правительство становится непредолимымъ препятствіемъ для революціи и народъ, если онъ хочетъ перестать топтаться на мѣстѣ, долженъ оставить тѣхъ, которыхъ еще вчера онъ привѣтствовалъ, какъ своихъ избранныхъ. Но это уже не такъ легко. Новое правительство успѣло организовать цѣлую іерархію админис-

траторовъ для расширенія своей власти и подчиненія себѣ народа, теперь оно уже добровольно не уступитъ своего мѣста. Стремясь удержать власть въ своихъ рукахъ, оно цѣпляется за нее со всей энергіей молодого правительства, котораго еще не успѣло коснуться старческое разложеніе. Оно готово противопоставить силу силѣ, и чтобъ его свернуть, надо снова взяться за оружіе, произвести новую революцію. И все это для того, чтобъ освободиться отъ тѣхъ, на кого было возложено столько надеждъ!

И вотъ, революція распалась! Потерявъ столько времени на ожиданіе, она теперь будетъ тратить свои силы на распри между приверженцами новаго правительства и тѣми, которые сознали необходимость освободиться отъ него! И все это потому, что никто не хочетъ понять слѣдующей простой истины: новая жизнь требуетъ новыхъ формъ, нельзя произвести революцію, цѣпляясь за старыя формы, революція и правительство несовмѣстимы, одно,—подъ какимъ бы видомъ оно нибыло представлено,—всегда уничтожаетъ другое; вѣ анархіи —нѣтъ революціи!

То же самое можно сказать о другой формѣ „революціоннаго правительства“ — революціонной диктатурѣ.

II.

Опасность, которой подвергается Революція, когда надъ ней господствуетъ выборное правительство, такъ очевидна, что цѣлая школа революціонеровъ совершенно отказалась отъ этой идеи. Они понимаютъ, что возставшій народъ не можетъ путемъ выборовъ провозгласить правительство, которое не являлоеь бы предстивителемъ прошлаго и не мѣшало народу совершить тотъ грандіозный, экономическій, политическій и нравственный переворотъ, который мы называемъ Соціальной Революціей. Они окончательно отказываются отъ мысли о „легальномъ“ правительствѣ, по

крайней мѣрѣ, на періодъ возстанія противъ легальности, и провозглашаютъ „революціонную диктатуру".

Та партія,—говорятъ они,—которая свергнетъ правительство, захочетъ сама занять его мѣсто. Она захватитъ власть въ свои руки и будетъ дѣйствовать революціоннымъ путемъ. Она приметъ всѣ необходимыя мѣры, чтобъ обезпечить успѣхъ возстанію, разрушить старые институты и организуетъ защиту территоріи. Всѣмъ, кто не захочетъ признать ея власти,—гильотина; всѣмъ, будь они изъ народа или буржуазіи, которые откажутся подчиняться ея приказамъ, изданнымъ съ цѣлью регулировать ходъ революціи,—тоже гильотина!" Вотъ какъ разсуждаютъ будущіе Робеспьеры, которые изъ великой эпопеи прошлаго вѣка запомнили лишь періодъ упадка и рѣчи прокуроровъ республики.

Мы, анархисты, произнесли окончательный приговоръ надъ диктатурой, какъ одного лица, такъ и одной какой нибудь партіи,—въ сущности говоря, это одно и тоже. Мы знаемъ, что одно лицо или одна группа не могутъ дать должнаго направленія соціальной революціи. Мы знаемъ, что революція и правительство несовмѣстимы; что одно должно убить другое, какова бы ни была форма правленія: диктатура, королевство или парламентъ. Мы знаемъ, что сила нашей партіи заключается въ слѣдующей основной формулѣ—„Только свободная иниціатива народа можетъ создать что либо цѣнное и прочное, а всякая власть стремится убить эту иниціативу". Вотъ почему, если бы наши идеи не должны были пройти черезъ горнило народа, чтобъ быть осуществленными, если бы мы стали хозяевами того замысловатаго хитросплетенія, —правительства, — которое позволяетъ каждому дѣйствовать сообразно своей фантазіи, то лучшіе

изъ насъ черезъ недѣлю стали бы достойны смертной казни. Мы знаемъ, что всякая диктатура, какъ бы честны ни были ея намѣренія, ведетъ къ смерти революціи. Мы знаемъ, наконецъ, что идеи диктатуры есть не что иное, какъ зловредный продуктъ правительственнаго фетишизма, который вмѣстѣ съ религіознымъ фетишизмомъ всегда стремился увѣковѣчить рабство.

Но теперь мы обращаемся не къ анархистамъ. Мы хотимъ поговорить съ тѣми революціонерами, приверженцами правительства, которые заражены предрасудками, внушенными имъ воспитаніемъ, которые искренно заблуждаются и охотно выслушаютъ наши доводы. Мы станемъ на ихъ точку зрѣнія, и такъ будемъ говорить съ ними.

Защитники диктатуры не замѣчаютъ сами, что, поддерживая этотъ предрасудокъ, они подготовляютъ почву для торжества своихъ противниковъ. Я бы посовѣтовалъ поклонникамъ Робеспьера твердо помнить слѣдующія его слова. Онъ въ принципѣ признавалъ диктатуру. Но...—„Остерегайся больше всего диктатуры“—рѣзко оборвалъ онъ Мандара, когда этотъ попробовалъ заговорить о ней. „Диктаторомъ былъ бы Бриссо!“. Да, Бриссо, этотъ хитрый жирондистъ, ожесточенный противникъ стремленій народа къ равенству, ярый защитникъ собственности (которую онъ самъ когда то назвалъ воровствомъ), Бриссо, который преспокойно заключалъ бы въ тюрьму Марата и всѣхъ умѣренныхъ якобинцевъ!

Но эти слова относятся къ 1792 году! Въ эту эпоху Франція уже три года была объята революціей! Фактически королевской власти уже не существовало: оставалось только нанести ей послѣдній ударъ; феодальный режимъ былъ уже уничтоженъ. И не смотря на это, даже въ ту эпоху, когда революція свободно и смѣло несла свои вол-

ны, все же контръ-революціонеръ Бриссо имѣлъ всѣ шансы быть провозглашеннымъ диктаторомъ! А что было бы раньше, въ 1789 году? Мирабо былъ бы призванъ стать во главѣ правительства! Мирабо, этотъ человѣкъ, который торговалъ своимъ краснорѣчіемъ, продавалъ его королю,—вотъ въ чьи руки въ ту эпоху перешла бы власть, если бы возставшій народъ, опираясь на штыки, не провозгласилъ своего могущества и не воспользовался побѣдами Жакеріи, чтобъ сдѣлать призрачной всякую власть, утвержденную въ Парижѣ или въ департаментахъ.

Но правительственный предразсудокъ такъ ослѣпляетъ тѣхъ, которые думаютъ о диктатурѣ, что они предпочитаютъ подготовить диктатуру какого-нибудь новаго Бриссо или Наполеона, чѣмъ отказаться отъ мысли навязать новаго повелителя человѣчеству, разрывающему свои цѣпи.

Тайныя общества временъ реставраціи и Людовика Филиппа въ значительной степени способствовали развитію принципа диктатуры и поддерживали этотъ предразсудокъ, Буржуа-республиканцы той эпохи, опираясь на трудящіяся массы, составили цѣлый рядъ заговоровъ, чтобъ свергнуть королевскую власть и провозгласить республику. Не отдавая себѣ отчета въ томъ, какое глубокое переворожденіе должно произойти во Франціи, даже для того, чтобъ установился буржуазный республикрнскій режимъ, они воображали, что путемъ одной только конспираціи они сумѣютъ свергнуть короля, захватить власть и провозгласить республику. Въ теченіе тридцати лѣтъ, эти тайныя общества работали съ безграничнымъ самоотверженіемъ, поразительной настойчивостью и геройствомъ. Если республика была естественнымъ слѣдствіемъ всзстанія февраля 1848 года, то этимъ она обязана тайнымъ обществамъ и ихъ усердной пропогандѣ

дѣйствіемъ въ теченіе тридцати лѣтъ. Не будь ихъ самоотверженной работы, республика была бы не мыслима и до сихъ поръ.

Они думали захватить власть и утвердиться, какъ республиканская диктатура. Но, какъ и слѣдовало ожидать, это имъ не удалось. Какъ всегда, въ силу самой необходимости вещей, королевская власть была свергнута не путемъ заговоровъ. Конспираторы только подготовили ея паденіе, Они широко распространили въ массахъ идею республики, и, благодаря ихъ героямъ и мученикамъ, она стала идеаломъ народа. Но послѣдній натискъ, рѣшительный ударъ, который положилъ конецъ власти короля буржуазіи, былъслишкомъ силенъ, чтобъ быть дѣломъ тайныхъ обществъ: это былъ наттскъ всего народа,

Мы знаемъ, каковы были результаты. Партія, которая подготовила паденіе королевской власти —она не была допущена даже на порогъ Городской Думы. Люди, слишкомъ осторожные, чтобъ подвергаться опасностямъ конспираціи, но болѣе извѣстные, болѣе умѣренные, выжидающіе удобнаго момента для захвата власти, заняли тѣ мѣста которыя конспираторы завоевали подъ громъ пушекъ. Публицисты, адвокаты, краснобаи, которые работали надъ созданіемъ себѣ имени, въ то время, какъ настоящіе республиканцы ковали оружіе или томились въ каторгѣ, захватили власть. Одни изъ нихъ, самые извѣстные, были призваны къ власти разными бездѣльниками; другіе навязывались сами, и были приняты только потому, что ихъ имя ничего не говорило толпѣ, или вѣрнѣе, давало программу, приспособленвую ко всѣмъ вкусамъ.

Пусть не говорятъ намъ, что это были промахи, недостатокъ практическаго ума со стороны

дѣйствующей партіи; что другія сдѣлаютъ лучше... Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Дѣйствующая партія остается за бортомъ, а интриганы и краснобаи захватываютъ въ свои руки власть—это такой же неприложный законъ, какъ законы движенія свѣтилъ. Эти говоруны болѣе популярны въ той массѣ, которая пробизвела послѣдній натискъ. Они получатъ наибольшее число голосовъ; ихъ будутъ привѣтствовать всѣ, а главнымъ образомъ. враги революціи, которымъ выгодно выдвинуть ничтожностей; въ правители попадутъ противники движенія или же люди вполнѣ безразличные.

Человѣкъ, который былъ самимъ воплощеніемъ конспиративной системы, человѣкъ, который всю жизнь провелъ въ тюрьмѣ изъ за преданности этой системѣ, наканунѣ смерти бросилъ міру слѣдующія слова, представляющія собой цѣлую программу: *ни Бога, ни Учителя*!

III.

Главная ошибка всѣхъ революціонныхъ организацій, народившихся въ нѣдрахъ республиканской буржуазіи съ 1820 года, состоитъ въ слѣдующемъ: онѣ думаютъ что правительство можетъ быть низвергнуто тайными обществами и что эти общества могутъ занять его мѣсто. Всѣ послѣдующіе факты способствовали выясненію этой ошибки. Какое самоотверженіе, сколько настойчивости, сколько самоотреченія проявляли тайныя республиканскія общества молодой Италіи, какая гигантская работа, сколько жертвъ, жертвъ передъ которыми блѣднѣютъ подвиги русской революціонной молодежи, сколько борцовъ похороненныхъ въ казематахъ австрійскихъ крѣпостей, погибшихъ отъ ножа и пуль палачей!—И все это досталось въ наслѣдіе разнымъ пролазамъ изъ буржуазіи и приближеннымъ короля.

То же самое въ Россіи. Врядъ ли найдется въ исторіи тайная организація, которая, располагая

столь незначительными средствами, достигла бы такихъ громадныхъ результатовъ, какъ Исполнительный Комитетъ, проявившій столько энергіи и силы. И все же, было бы наивно думать, что Исполнительный Комитетъ станетъ когда-нибудь во главѣ правленія.

Люди осторожные, создававшіе себѣ имя въ то время, какъ революціонеры изнемогали въ рудникахъ и погибали въ Сибири,—интриганы, краснобаи, адвокаты и литераторы, которые проливали слезы надъ свѣжей могилой героевъ и объявляли себя друзьями народа,—вотъ кто займетъ вакантное мѣсто правительства и грубо крикнетъ: *Назадъ!*—тѣмъ „незнакомцамъ“, которые подготовили революцію.

Это неизбѣжно, это не можетъ быть иначе. Не тайныя общества и даже не революціонныя организаціи наносятъ правительствамъ рѣшительный ударъ. Ихъ функція, ихъ историческая миссія состоятъ въ томъ, чтобъ подготовить умы къ революціи. Когда же ихъ идеи достаточно распространены,—внѣшнія обстоятельства помогаютъ,—послѣдній натискъ производится не группой иниціаторовъ, а массами, находящимися внѣ всякой организаціи. 31 августа Парижъ былъ глухъ ко всѣмъ призывамъ Бланки. Четыре дня спустя, онъ провозгласилъ паденіе правительства; но уже не Бланкисты были инціаторами этого движенія, а самъ народъ. Правительство пало, и толпа привѣтствовала крикуновъ, имена которыхъ непрерывно жужжали въ ея ушахъ въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ. Когда революція готова разразиться и въ воздухѣ чувствуется напряженіе, когда успѣхъ почти обезпеченъ, тысячу новыхъ людей, на которыхъ тайныя организаціи не имѣли непосредственнаго вліянія, присоединяются къ движенію, присасываются къ нему подобно воронамъ, слетѣвшимся

на поле брани дѣлитъ добычу. Они наносятъ послѣдній ударъ и сейчасъ же начинаютъ искать себѣ новыхъ правителей не среди конспираторовъ, честныхъ и непримиримыхъ, а среди людей безъ убѣжденій, среди флюгеровъ. О томъ, что можно обойтись безъ правителей, они и не думаютъ.

Конспираторы, поддерживая предрасудки о диктатурѣ, безсознательно работаютъ надъ тѣмъ, чтобы власть перешла въ руки ихъ противниковъ.

Но, если все, что мы говорили, справедливо по отношенію къ революціямъ, или вѣрнѣе возстаніямъ политическимъ,—то это тѣмъ болѣе справедливо для революціи, о которой мы мечтаемъ, —Революціи Соціальной. Позволить утвердиться какому бы то ни было правительству, власти сильной и способной заставить подчиняться себѣ,—это преградить путь революціи съ самыхъ ея первыхъ шаговъ. Польза, приносимая этимъ правительствомъ сводится къ нулю, вредъ же—неизмѣримъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что понимаемъ мы подъ этой Революціей?—Это уже не перемѣна правителей, Это захватъ народомъ всѣхъ общественныхъ богатствъ. Это уничтоженіе всякой власти, - власти, которая непрерывно препятствовала развитію человѣчества. Но можетъ ли эта грандіозная экономическая революція быть совершена декретами, исходящими отъ правительства? Мы знаемъ, что польскій революціонный диктаторъ Костюшко еще въ прошломъ вѣкѣ декретировалъ уничтоженіе личнаго рабства,—рабство существовало послѣ того еще восемьдесятъ лѣтъ. Мы знаемъ, что Конвентъ, грозный Конвентъ, какъ говорили его поклонники, —декретировалъ поголовный раздѣлъ всѣхъ общественныхъ земель, отобранныхъ у сеньоровъ. Этотъ декретъ, подобно многимъ другимъ, остался мертвой буквой, такъ какъ для приведенія его въ исполненіе, деревенскій пролетаріатъ долженъ былъ бы

произвести новую революцію, а революція не производится декретами. Чтобъ народъ завладѣлъ всѣми общественными богатствами, онъ долженъ себя чувствовать вполнѣ свободнымъ, долженъ свергнуть рабство, къ которому онъ ужъ слишкомъ привыкъ, долженъ дѣйствовать по своей собственной иниціативѣ и смѣло итти впередъ, не дожидаясь никакихъ приказаній. Всему этому будетъ препятствовать диктатура, какъ бы честны ни были ея намѣренія; сама же она не способна двинуть ни на шагъ дѣло революціи.

Но если правительство,—будь оно даже идеаломъ революціоннаго правительства,—не способно создать новой силы, не способно содѣйствовать работѣ разрушенія, то тѣмъ болѣе мы не должны разсчитывать на него при работѣ созиданія. Экономическій переворотъ—этотъ результатъ Соціальной Революціи—будетъ такъ великъ и глубокъ, и такъ измѣнитъ всѣ взаимоотношенія, основанныя теперь на собственности и обмѣнѣ,—что одному или нѣсколькимъ индивидуумамъ будетъ невозможно выработать тѣ соціальныя формы, которыя должны народиться въ обществѣ будущаго. Только коллективный трудъ всего народа можетъ выработать эти новыя соціальныя формы, только гибкость коллективной мысли цѣлой страны можетъ удовлетворить безконечному разнообразію условій и потребностей, которыя народятся въ день паденія частной собственности. Всякая внѣшняя власть будетъ лишь препятствіемъ, помѣхой органической работѣ; она явится источникомъ вражды и раздора.

Но давно пора распроститься съ мыслью о *революціонномъ* правительствѣ, пора покинуть эту мечту, неоднократно обманувшую насъ. Пора понять политическую аксіому, что правительство не можетъ быть революціоннымъ. Нтмъ говорятъ о Конвентѣ; но не надо забывать, что тѣ мѣры, при-

нятыя Конвентомъ, которыя носили хоть сколько-нибудь революціонный характеръ, были только санкціей фактовъ, уже совершенныхъ народомъ, не считавшимся въ то время ни съ какимъ правительствомъ. Конвентъ, подобно всѣмъ предшествующимъ и послѣдующимъ правительствамъ, былъ исключительно препятствіемъ для созидательной работы народа.

Факты, которые даетъ намъ исторія, такъ убѣдительны; безсмысленность революціоннаго правительства, безполезность всего того, что называютъ этимъ именемъ, такъ очевидны, что казалось бы, невозможно объяснить, почему извѣстная школа, именующая себя соціалистической, съ такой яростью защищаютъ идею революціоннаго правительства. Но, въ сущности говоря, это вполнѣ понятно. Дѣло въ томъ, что послѣдователи этой школы, сколько бы они ни называли соціалистами, совершенно иначе смотрятъ на будущую революію. Для нихъ, —какъ для всѣхъ радикаловъ буржуа,—Соціальная Революція дѣло далекаго будущаго, и объ ея осуществленіи сейчасъ не можетъ быть и рѣчи. Они мечтаютъ, не смѣя впрочемъ признаться въ этомъ, объ установленіи правительства, подобнаго правительствамъ Швейцаріи или Соединенныхъ Штатовъ, которыя стремятся присвоить Государству все то, что они называютъ „services publics“. Это нѣчто среднее между идеаломъ Бисмарка и идеаломъ порт-ного, который мечтаетъ получить мѣсто президента въ Соединенныхъ Штатахъ. Это компромиссъ между соціалистическими стремленіями массъ и аппетитами буржуазіи. Эти „соціалисты“ хотѣли бы, конечно, полной экспропріаціи, но они не смѣютъ приступить къ ней, откладываютъ ее на будущій вѣкъ и задолго до начала битвы вступаютъ въ переговоры съ врагами.

Для насъ ясно, что моментъ нанести смертельный ударъ буржуазіи насталъ, что недалеко то

время, когда народъ завладѣетъ всѣми общественными богатствами и доведетъ до полнаго безсилія классъ эксплоататоровъ. И потому, мы безъвсякихъ колебаній ринемся въ Соціальную Революцію и, такъ какъ всякое правительство, какимъ бы именемъ оно себя ни называло, будетъ служить намъ помѣхой, мы сметемъ съ нашего пути всѣхъ честолюбцевъ, которые вздумаютъ распоряжаться судьбой народа,

Издательство „Вольный Трудъ“

Вышло изъ печати:

П. Кропоткинъ Революціон. Правительство . 10 к.

Печатаются:

П. Кропоткинъ. Довольство для всѣхъ
„ „ Наши богатства.
„ „ Къ молодому поколѣнію.
„ „ Распростр. радикальн.-соц. идей

Ж. Гравъ . . Умирающее общество и анархія
(Отдѣльными главами)
Солдатская памятка.
Кому служитъ солдатъ.
Чикагская драма

Съ заказами обращаться: Елисаветградъ, Московская ул. Якову Суховольскому.